

УДК 1(092) + 128 + 115

АМВРОСИЙ ФЕОДОСИЙ МАКРОБИЙ КОММЕНТАРИЙ НА «СНОВИДЕНИЕ СЦИПИОНА» (2. 14, 1—16, 26)¹

Из философских сочинений конца Западной Римской империи самыми значительными были произведения латинских авторов, последователей философии Платона и неоплатоников. Феномен западного платонизма и неоплатонизма характеризуется тем, что его сторонники опирались на пифагорейско-платонические идеи, представленные в сюжете сновидения Сципиона из трактата Цицерона «О государстве». Главной фигурой здесь является Макробий Феодосий, который «ввел в научный оборот» этот цicerоновский сюжет и сделал его весьма популярным в последующее время, написав «Комментарий на «Сновидение Сципиона»».

О жизни Макробия (V в. н. э.) известно не так уж много. В исследовании М. С. Петровой суммированы все данные о нем и его сочинениях в виде краткой биографии². Комментарий Макробия рассматривается во многих работах — как в российских, так и в зарубежных, и во всех них, как правило, признается неоплатоническая направленность его воззрений. Во всяком случае, В. Х. Шталь замечает, что комментарий на сновидение Сципиона, принадлежащий Макробию, был наиболее важным источником платонизма на латинском Западе в Средние века³.

Переведенные главы трактата Макробия содержат защиту учения Платона о самодвижении души и опровержение доводов Аристотеля о неподвижности души.

К л ю ч е в ы е с л о в а: душа, движение, Платон, Аристотель.

14, 1. Но последнее заключение всех этих рассуждений о бессмертии души может остаться у того, кто не отбрасывает первую предпосылку, то есть [положение],

¹ Перевод с лат. сделан по изданию: *Macrobiani Commentarii in Somnium Scipionis* // *Macrobius*. Vol. 2. Leipzig, 1970. Использовался также англ. перевод: *Macrobius. Commentary on the Dream of Scipio* / Translated by W. H. Stahl. N. Y., 1952.

² См.: *Петрова М. С.* Макробий Феодосий и представления о душе и мироздании в Поздней Античности. М., 2007. С. 41.

³ См.: *Macrobius. Commentary on the Dream of Scipio* / Translated by W. H. Stahl. P. 10.

что душа [сама] по себе движется. Ведь если эта [предпосылка] не принята на веру, то делается бессильным все, что [из нее] следует.

2. Притом (sed) к этому [же положению] приходит согласное [с ним] мнение (adsensio) именно стоиков, однако Аристотель до того не успокаивается [на этом], что пытается утверждать, будто душа не только сама собой не движется, но всецело не движется. Ибо он так доказывает искусными доводами, будто ничто само по себе не движется, что утверждает, что душа, в случае если бы он и допустил, будто что-нибудь это делает, все же этим [самодвижущимся] не является.

3. «Ведь если душа, — говорит он, — есть начало движения, то я учу, что начало движения не может двигаться». И он так приступает к разделению своего учения, что, во-первых, учит, будто в природе вещей есть нечто неподвижное; затем пытается доказать, что это [неподвижное] есть душа.

4. «Необходимо, — говорит он, — чтобы все, что существует, было либо неподвижным, либо все двигалось; или что-нибудь [одно] из этого двигалось, что-нибудь [другое] не двигалось». «Также, если мы допускаем, — рассуждает он, — и движение, и покой, необходимо, чтобы либо одно всегда двигалось, а другое никогда не двигалось, либо все разом то покоилось, то двигалось». «Давайте искать, — говорит он, — что из этого было бы более истинным».

5. Что не является все неподвижным, тому свидетельством является само зрение, потому что существует то, движение чего мы видим. С другой стороны, зрение, которым мы видим неподвижное, учит, что не все движется. Впрочем, мы и не можем сказать, будто все то пребывает в движении, то пребывает неподвижным, потому что существует то, чье вечное движение мы видим, как, например, нет никакого сомнения относительно небесных [тел, что они вечно движутся]. «Отсюда следует, — говорит он, — что, как они каким-то образом всегда движутся, так есть что-нибудь всегда неподвижное».

6. По поводу (ex) того, что сделано заключение, что есть нечто неподвижное, ни один [человек] не противится и не возражает. Ибо [это] разделение [на движущееся и неподвижное] и истинным является, и не противоречит платоновской школе, и действительно если что-нибудь является неподвижным, то [отсюда] не следует, что это есть душа, и [тот], кто говорит, что душа сама по себе движется, еще не утверждает, что все всецело движется, но прибавляет [тот] способ, каким душа движется. Если же есть что-нибудь другое неподвижное, то оно несколько не будет касаться того, что прибавляется о [движении] души.

7. Видя это (quod), Аристотель и сам, после того как преподавал, что существует нечто неподвижное, хочет преподавать, что это [неподвижное] есть душа, и принимается утверждать, будто нет ничего, что само собою могло бы двигаться, но все, что движется, движется от другого. Если бы он это (quod) поистине доказал, то ничего бы не оставалось для защиты платоновской школы. Ибо каким образом можно было бы быть уверенным, что душа сама по себе движется, если бы было установлено, что нет ничего, что могло бы само по себе двигаться? В этом же аристотелевском доказательстве, [будто все движется от другого], складывается порядок такого рода разделения [доводов].

8. «Из всего, что движется, — говорит он, — одно движется само по себе, другое — из-за привходящего (*accidenti*) [движения]». «И из-за привходящего [движения], — продолжает он, — движется то, что, хотя оно само не движется, находится в том, что движется, как, например, покоящийся тюк или путешественник на корабле; или же когда часть движется при покоящемся целом, как, например, если бы кто-нибудь стоящий двигал ногой, рукой или головой.

9. Само же по себе движется то, что [не движется] ни из-за привходящего [движения], ни из-за [движения его] части, но движется разом и все целиком, как, например, когда ввысь поднимается огонь. И относительно того именно, что движется из-за привходящего [движения], нет никакого сомнения, что оно движется другим». «Но я одобряю, — говорит он, — также [положение], что то, которое движется само по себе, движется от другого».

10. «Ведь из всего того, — утверждает он, — что движется само по себе, одно имеет причину движения внутри себя, как, например, животные, как деревья, которые, без сомнения, считают, движутся другим, причиной, которая, разумеется, скрыта в них самих, ибо разум отделяет причину движения от того, что движется; другое же явно движется от иного, то есть [приводится в движение] либо силой, либо природой.

11. И силой, мы говорим, движется всякое метательное оружие, которое, когда оно отделилось от руки бросающего, несется, кажется, своим вот собственным движением, однако первоисточник движения относится к силе. Так, мы видим, что и земля несется вверх, и огонь — вниз, что, без сомнения, вызывает чужеродный толчок.

12. Природой же движется или тяжелое, когда оно само по себе [несется] вниз, или легкое, когда оно несется вверх, но и они, нужно сказать, движутся от другого, пусть [даже при этом] имеется неясность, от чего [именно они движутся]».

13. «Ибо разум, — говорит он, — понимает, что существует нечто, которое их движет. Ведь если бы они двигались самопроизвольно, то самопроизвольно бы также и останавливались, да и не всегда бы они продвигались по одному пути, а двигались бы по разным направлениям (*per diversa*), если бы неслись по произвольному побуждению. Но так как они не могут этого делать, а легкому всегда предназначено восхождение и тяжелому — нисхождение, ясно, что их движение относится к определенной и установленной необходимости природы».

14. Это и тому подобное суть то, посредством чего, Аристотель верил, он доказал, будто все, что движется, движется от другого. Но платоники, как будет показано немного позже, поучали, что эти доводы являются скорее хитроумными, чем истинными.

15. Теперь нужно присовокупить его же следующий раздел [доказательств], в котором он старается показать, что не может душа сама по себе двигаться, даже если какая-нибудь другая вещь могла бы это делать. И первую предпосылку этого он заимствует из того, что, он считает, [уже] установил для себя.

16. Ведь так он говорит: «Следовательно, так как установлено, что все, что движется, движется от другого, без сомнения, необходимо, говорит он, чтобы о том, которое движет, будучи первым, потому что не от другого движется, сказали, что

оно либо стоит, либо само себя движет. Ибо оно и не считалось бы уже первым, если бы двигалось от другого.

17. Если же бы сказали, что оно движется от другого, то [тогда] скажут, что также и то, которое его движет, движется от другого, и оно, [в свою очередь], опять [движется] от другого, и это разыскание намеревается впасть в [дурную] бесконечность, никогда не открывая первых начал [движения], если тому, которое ты считал бы первым, всегда предшествует другое».

18. «Итак, остается, — говорит он, — [заключить], чтобы не говорили, будто стоит то, если оно (*quod*) движет, будучи первым, [но] говорили бы, что оно само себя движет». «И, таким образом, в одном и том же самом будет [находиться] одно, которое движет, другое, которое движется, если бы притом, — говорит он, — во всяком движении необходимо были эти [вот] три [вещи], то есть то, которое движет, и то, чем оно движет, и то, что движется.

19. Из этих [трех вещей] то, что движется, только движется, [но] вовсе (*etiam*) не движет, в то время как то, чем производится движение, и движется и движет, а то, что движет, вовсе не движется, так что из [этих] трех [вещей] общим [для них] является то, которое среднее; две (*duo*) же [других] пусть считаются противоположными между собой (*sibi*)».

20. «Ибо как есть то, которое движется и не движет, так, — говорит он, — есть то, которое движет и не движется, о чем мы поблизости [уже] сказали, потому что, так как все, которое движется, движется от другого, в случае если то, которое движет и само движется, мы вечно будем искать и никогда не найдем начало этого движения».

21. «Затем, если бы о чем-либо сказали, что оно себя движет, то необходимо, — рассуждает он, — чтобы мы считали, что или целое движется от целого, или часть — от части, или часть — от целого, или целое — от части. И притом (*tamen*) это движение, пусть оно происходит либо от целого, либо от части, потребует для себя (*sui*) другого творца».

22. Из всех этих [положений] все целиком аристотелевское рассуждение связывается в одно [умозаключение] таким образом: «Всякое, которое движется, движется от другого; тогда то, которое движет, будучи первым, или стоит, или, [при движении] от другого, и само движется; но если [оно движется] от другого, то оно уже не может называться первым; но (*et*) мы всегда будем отыскивать то, которое двигало бы, будучи первым; [значит], остается [то], чтобы говорили, что оно стоит; итак, стоит то, которое движет, будучи первым».

23. Таким образом, против Платона, который говорит, что душа есть первоначало движения, складывается силлогизм в этом [вот] роде: «Душа есть первоначало движения; но первоначало движения не движется; следовательно, душа не движется». И это есть то [умозаключение], которое он решительно (*violenter*) поставил на первое место, но, не (*пес*) удовлетворенный этим вполне (*usque*), чтобы убедить [в том], что душа не движется, он давит также и другими доводами, не менее решительными.

24. «Никакое начало, — утверждает он, — не может быть тождественным (*idem*) тому, [для] чего оно есть начало. Ведь говорят, что у геометров первоначалом

линии является точка, [а] не линия; [и] у арифметиков первоначалом числа число не является. Равным образом причина рождения сама не рождается, и, следовательно, сама причина движения, или начало [его], не движется; таким образом, душа, которая есть начало движения, не движется».

25. [К сказанному] добавляется также это. «Никогда, — говорит он, — не может совершиться [то], чтобы в (sic) одной и той же самой вещи и в одно и то же время сходились противоположности, относящиеся к одному и тому же [ее состоянию]. Но мы знаем, что (quia) двигать — значит действовать, а двигаться — значит страдать, следовательно, тому, которое себя движет, достанутся разом два себе противоположных [состояния]: и действовать, и страдать, — что является невозможным; итак, душа не может [сама] себя двигать».

26. Также он говорит: «Если бы сущностью души было движение, то она никогда не отдыхала бы от движения, ибо нет ничего, что принимало бы противоположное (contrarietatem) своей сущности. Ведь огонь никогда не будет холодным и никогда снег самопроизвольно не потеплеет, но душа иногда отдыхает от движения, так как мы видим, что тело не всегда возбуждается; следовательно, движение не является сущностью души, противоположность которого она принимает».

27. Еще он говорит: «Если душа является причиной движения другого, то она не сможет сама для себя быть причиной движения». «Ибо нет ничего [такого], — говорит он, — чтобы причина для себя была у той же самой вещи, у которой [она] есть для другого, как, [например], врач, как, [например], обучающий телесным упражнениям (exercitor corporum) никоим образом (non utique) не добавляют (praestant) себе от этого также здоровья или силы, которую тот прибавляет больным, этот — борцам».

28. Также он говорит: «Всякое движение нуждается в орудии для своего осуществления, как учит опыт отдельных искусств, поэтому должно рассмотреть, не было бы нужно и душе орудие, чтобы двигать себя; если это (quod) считается невозможным, то и будет невозможным то, чтобы душа сама себя двигала».

29. Также он говорит: «Если душа движется, то, без сомнения, она движется вместе с прочими движениями и с места на место. Если такое (quod) бывает, то она либо вступает в тело, либо, наоборот, выходит [из него]; и это она часто повторяет; но это, мы знаем, совершиться не может, значит, она не движется».

30. К этому еще он добавляет: «Если душа себя движет, то необходимо, чтобы она двигала себя каким-нибудь видом движения. Следовательно, она движет себя или в отношении места, или она движет себя путем порождения себя самой, или путем уничтожения себя самой, или путем увеличения себя, или путем уменьшения себя». «Ведь [все] это, — говорит он, — суть виды движения».

31. «[Теперь], — говорит он, — давайте исследуем, каким образом могли бы совершаться каждое в отдельности из них. Если она движет себя в отношении места, то она движет себя или по прямой линии, или вращается сферическим движением по кругу.

32. Но нет никакой бесконечной прямой линии, ибо какая бы ни воспринималась линия в природе, каким-нибудь (quosumque) [да] пределом она, без сомнения, ограничивается; таким образом, если душа движет себя по ограниченной линии,

то она не всегда движется, ибо, когда она находится у конца [линии] и оттуда возвращается обратно к [ее] началу, необходимо, чтобы происходила остановка (interstitium) движения при [его] изменении [в направлении] возврата (redeundi).

33. Но и по кругу она вращаться не может, потому что всякая сфера движется вокруг чего-то неподвижного, которое мы называем центром. Следовательно, если и душа так движется, то она или внутри себя имеет то, что является неподвижным [центром], и, таким образом, получается, что она не вся целиком движется; или если не внутри себя [она имеет неподвижное], то последует [нечто] иное, не менее нелепое, [а именно то], что центр находится снаружи [сферы], чего быть не может». «Итак, — говорит он, — из этого установлено, что она не двигала бы себя в отношении места.

34. А если она сама себя порождает, то следует, что мы утверждаем, будто она, одна и та же самая, и есть, и не есть; если же она сама себя уничтожает, то не будет бессмертной; что же до того (quod), если она себя или увеличивает, или уменьшает, то она, одна и та же самая, будет оказываться одновременно и больше себя, и меньше [себя]».

35. И из [всего] этого он сплетает такой [вот] силлогизм: «Если душа себя движет, то она движет себя каким-нибудь родом движения; однако ни один род движения, каким бы она себя двигала, не находится; следовательно, она себя не движет».

15, 1. Против этих столь тонких, и остроумных, и правдоподобных доводов нужно вооружиться вслед за приверженцами Платона, которые разрушили [этот] замысел, посредством которого Аристотель попробовал повредить столь верное и столь убедительное определение [своего] наставника.

2. И, право, не столь [уж] я невнимателен (immemor) в отношении себя и [не] так [уж] безоглядно (male) воодушевлен (animatus), чтобы я, исходя из (ex) своих природных данных, или Аристотелю сопротивлялся, или Платону содействовал, но поскольку те или иные [из] великих мужей, которые гордились, что они зовутся платониками, опустили или по одному, или по два опровергавших (defensa) [Платона довода Аристотеля] ради прославления своих собственных трудов, я сложил [все] это, собранное в одно тело непрерывной защитительной речи (defensionis), прибавив [кое-что], если только что-нибудь [еще] или было дано узнать после них, или было возможно осмыслить.

3. И так как суть два [довода], которые он попытался утвердить, — один, в котором он говорит, что нет ничего, которое двигалось бы [само] по себе; другой, в котором он утверждает, что душа этим [самодвижущимся] быть не может, — тому и другому [доводу] должно сопротивляться, чтобы и установить, что может что-нибудь [само] по себе двигаться, и прояснить, что душа является этим [самодвижущимся].

4. Итак, в [числе] первого нам нужно остерегаться обманчивости того разделения, в котором, перебирая [сначала] некоторым образом то, которое [само] по себе движется, и показывая [затем], что оно также [и] от другого движется, то есть [движется] от причины, скрытой внутри [него], ему кажется, что он доказал, будто все, которое движется, даже если бы говорилось, что оно [само] по себе движется, все же движется от другого.

5. [Одна] часть этого положения является истинной, но заключение является ложным. Ведь мы и не отрицаем [того], что некоторым образом существует то, [в отношении] которого установлено, что, хотя кажется, что оно движется [само] по себе, оно все же движется от другого. Однако не все, что движется [само] по себе, подтверждает (sustinent) то, что необходимо, чтобы оно двигалось [также и] от другого.

6. Ибо Платон, когда говорит, что душа [сама] по себе движется, то есть когда называет [ее] αὐτοκίνητον⁴, желает, чтобы она числилась не среди того, которое само по себе именно, кажется, движется, но [среди того, что] движется от причины, которая скрывается внутри него (intra se), как, [например], животные (animalia) движутся другим именно деятелем (auctore), но потаенным, ибо они движутся душой, или как, [например], движутся деревья, двигатель (agitator) которых даже если не виден, однако известно, что они движутся природой, скрывающейся внутри [них]. Но Платон так говорит [о том], что душа [сама] по себе движется, что не называет творцом этого движения другую причину, или приходящую извне, или скрывающуюся внутри. [Теперь] мы будем наставлять [в том], каким образом это следует понимать.

7. Огонь мы зовем горячим, но и о железе горячем мы говорим; и снег мы называем холодным и скалу — холодной; мед — сладким, но и медовое вино прозываем сладким. Однако каждое из этого [свойства] в отдельности в отношении [этих] различных [вещей] обозначает разное.

8. Ведь имя горячего относительно огня мы понимаем одним образом, относительно железа — другим, потому что огонь является горячим [сам] по себе, [а] не от другого делается горячим; железо, напротив, нагревается только лишь от другого. [Также], чтобы снег [был] холодным, чтобы мед был сладким, [это] не откуда-то извне случается, но к скале холод или к медовому вину сладость приходят от снега или меда.

9. Вследствие этого и стоять и двигаться — так говорится о том, что от себя [самого] или стоит, или движется, как [и] о том, что или удерживается, или приводится в движение от другого. Но чему случается от другого двигаться или стоять, то и стоять перестает и двигаться; у чего же и быть и двигаться является одним и тем же, [то] никогда от движения не отдыхает, потому что без сущности своей быть не может, как, [например], железо теряет тепло, огонь же без тепла не остается.

10. Итак, душа движется от себя [самой]; хотя кажется, что и животные, или деревья движутся [сами] по себе, но движением в них управляет, хотя [и] скрывающаяся внутри, однако, другая причина, то есть душа или природа. Потому они и отпускают [от себя] то, что они приняли откуда-то извне. Душа же так [сама] по себе движется, как огонь [сам] по себе является горячим, потому что никакая приходящая [к ним] причина ни (vel) его не делает горячим, ни ее не движет.

11. Ведь когда мы называем огонь горячим, мы принимаем не две разные [сущности], одну, которая делает горячей, другую, которая делается горячей, но

⁴ Самодвижущейся (греч.).

называем горячим [нечто] целое согласно его (suam) природе; когда [мы называем] снег холодным, когда называем мед сладким, мы не принимаем одно, которое это качество предоставляет, другое, чему [оно] предоставляется.

12. Так, и когда мы говорим, что душа [сама] по себе движется, не следует подобное [же] рассмотрение [чего-то] движущего и [чего-то] движимого (moti), но в самом движении мы признаем ее сущность, потому что необходимо, чтобы то, что в отношении огня является именем горячего, в отношении снега — названием холодного, в отношении меда — наименованием сладкого, в отношении души считалось (intellegi) именем αὐτοκίνητον⁵, которое латинский перевод обозначает [словами] «посредством [самого] себя двигаться».

13. И пусть не смущает тебя [то], что «двигаться» [в переводе] является глаголом страдательного залога (passivum); и не полагай (putes) в этом случае «двигаться» обозначением двух вещей, той, которая движет, и той, которая движется, таким [же] образом, каким (sicut) когда говорят «рассекаться», равно рассматриваются два: то, что рассекает, и то, что рассекается; и также, когда говорят «удерживаться», мыслятся два: то, что удерживает, и то, что удерживается.

14. Ибо «рассекаться» именно и «удерживаться» является страдательным залогом (passio), поэтому охватывает рассмотрение действующего и претерпевающего [действие], да и (autem) когда говорят «двигаться» о том, что движется от другого, [это «двигаться»] представляет [собой] рассмотрение сходным [же] образом и той и другой (utramque) [стороны движения]. Но когда говорят о том, которое так посредством [самого] себя движется, что является αὐτοκίνητον, потому что [само] по себе, [а] не из-за другого движется, никакое не может [даже] держаться в мыслях (intellegi) предположение [о наличии здесь] страдательного залога.

15. Зато, хотя и кажется, что «стоять» не является глаголом страдательного залога, однако, когда говорят о том, что стоит, потому что [его] ставит [нечто] другое, как, [например, в строчке]

Стоят вот копьа, воткнутые в землю⁶

[«стоять»] намекает на страдательный залог, так и «двигаться», хотя звучит в страдательном залоге (passivum), однако, когда нет ничего действующего [со стороны, тогда] не сможет быть [и] претерпевающего [действие].

16. И пусть становится совершенно ясным, что страдательное состояние (passionem) выражается через уразумение не слов, но [самих] вещей: вот [и] огонь, когда он несется кверху, ничуть не претерпевает [воздействия]; когда [же] он несется вниз, без сомнения, испытывает [воздействие], потому что это⁷ не переносит [воздействия], кроме [того случая], когда [его] толкает [нечто] другое, и хотя произносится один и тот же самый глагол [«несется»], мы все же скажем, что страдательное состояние [у огня] то присутствует, то отсутствует.

⁵ Самодвижущегося (греч.).

⁶ Вергилий. Энеида. 6, 652. М., 2006 (пер. С. Ошерова с изменением по оригиналу).

⁷ Речь об огне.

17. Таким образом, и «двигаться» есть то же самое по значению [залога], что [и] «пламенеть»; и когда мы говорим, что железо пламенеет или палочка движется, давайте признаем, что имеет место страдательное состояние, потому что к тому и другому это приходит откуда-то извне. Когда же будут говорить, что огонь пламенеет или душа движется, потому что сущность того пребывает в пламени (calore), а этой — в движении, здесь не остается никакого места для страдательного состояния, однако будут говорить, что тот так пламенеет, как эта движется.

18. В этом случае Аристотель, сглаживающий [свой] хитрый навет в отношении слов [Платона], настаивает, будто Платон также сам обозначил две [стороны], то есть то, что движет, и то, что движется, говоря: «[То] одно-единственное, что само себя движет, потому что никогда не отказывается от себя, никогда не перестает также (quidem) двигаться»⁸. И он открыто провозглашает, что тот выразил [эти] две [стороны] этими [вот] словами: «то, которое движет и движется». Но мне кажется, что такой муж⁹ никак не мог быть в неведении, однако в [своем] упражнении такими хитросплетениями, снисходительный (coniventer) к себе, он произвольно (sponte) играл [с его] произведением.

19. Впрочем, кто не укорил бы [его], что не должно подразумевать две [стороны], когда говорят [о том], что само себя движет? Как и [в том случае], когда говорят [о] heauton timorumenos¹⁰, то есть [о] себя наказывающем, отсутствует (non... est) один, который наказывает, [и] другой, который наказывается. И когда говорят [о том], кто себя губит, себя скрывает, себя освобождает, нет необходимости, чтобы один был действующим, другой — испытывающим действие. Но одно только то выражается смыслом этого высказывания, что говорят [о том], что тот, кто себя наказывает, или тот, кто себя освобождает, получил это не от другого, но сам себе или принес, или предоставил, так, и когда говорят об αὐτοκίνητου «само себя движет», сверх этого говорят, что [оно] исключает признание другого движущего.

20. Платон, желая изъять его (quam) из размышлений читателя, выразил в том, что он [уже] предположил [выше]¹¹. «Ибо то, что всегда движется, — говорит он, — вечно; но то, что сообщает движение другому, а само получает толчок откуда-нибудь, неминуемо перестанет жить, когда перестанет двигаться»¹².

21. Что [же еще] найдется более выразительное, чем эти слова, свидетельствующие благодаря [их] ясному значению, что не откуда-то извне движется то, которое само себя движет, так как он из-за того называет душу вечной, что (quia) она сама себя движет, и не движется откуда-то извне? Итак, двигать себя означает всего лишь (hoc solum) не двигаться от другого. И ты не считай (putes), что одно и то же двигало бы и то же самое двигалось бы, но [считай, что] двигаться без другого движущего — значит двигать себя.

⁸ См. также: Платон. Федр, 245c // Платон. Соч. : в 3 т. М., 1970. Т. 2.

⁹ Аристотель.

¹⁰ Латинская транскрипция греч. слов εαυτὸν τιμωροῦμενος «сам себя наказывающий».

¹¹ См. 15, 18.

¹² Макробий использует в этом случае слова Цицерона (см.: Цицерон. О государстве. VI, XXV, 27 // Цицерон. Диалоги. М., 1966; см. также: Платон. Федр, 245c // Платон. Соч. : в 3 т. М., 1970. Т. 2).

22. Следовательно, ясно установлено, что (*quia*) не все, что движется, движется от другого. Таким образом, αὐτοκίνητον может двигаться не от другого, но даже [и] от себя [самого] оно движется не так, чтобы в [нем] самом одно было то, которое движет, другое, которое движется, и [этого] не [было бы] ни в [нем] целом, ни относительно [его] части, как тот¹³ предполагает, но лишь то одно говорят [о нем], что оно само себя движет, пусть [только] не считают, что оно движется от другого.

23. Впрочем, и то аристотелевское разделение относительно движений [души], которое выше мы преподнесли, является пригодным больше для хитрящего (*subripienti*), чем для доказывающего, и в котором он говорит: «Как есть то, которое движется и не движет, так есть то, которое движет и не движется»¹⁴.

24. Ибо установлено, что все, что ни движется, движет другое, как, [например], говорят, что или кормило движет корабль, или корабль — окружавший его (*sibi*) воздух или волны. Но что есть [такое], которое не могло бы подталкивать другое, пока оно само движется? Следовательно, если не является верным, что то, которое движется, не движет другое, [это] не согласуется с тем (*illud*), чтобы ты нашел что-нибудь [такое], которое двигало бы и, однако, [само] не двигалось.

25. Итак, больше, [чем аристотелевское], следует одобрить известное разделение движений, преподнесенное Платоном в десятой [книге сочинения] «О законах». «Всякое движение, — говорит он, — или себя движет и другое, или другим движется и другое движет»¹⁵. И первое [движение] относится к душе, второе же — ко всем телам¹⁶. Эти, стало быть (*ergo*), два движения и отделяются вследствие различия, и связываются вследствие общности. Общим они имеют то, что первое и второе [движение] движут другое, различаются же тем, что то движется от себя, [а] это — от другого.

26. Из всего этого, что мы собрали, выбранное из [великого] обилия платоновских мыслей, установлено, что не является верным то [положение Аристотеля], что все, которое движется, движется от другого. И потому не будут говорить, что первоначало движения стоит, чтобы отклонить (*deprescendam*) необходимость другого движущего, потому что, как мы [уже] сказали, оно само может двигать себя, когда другое [его] не движет.

27. Итак, ослаблен [тот] силлогизм, который он¹⁷ [до этого] собрал, предпослав [ему] разнообразные и многочисленные разделения [движения], то есть: «Душа есть первоначало движения, но первоначало движения не движется; следовательно, душа не движется»¹⁸. Потому что установлено, что нечто может двигаться само по себе, когда другое [его] не движет, остается, чтобы научили, что этим [нечто] является душа, что будет легко преподано, если бы мы взяли доказательства от [чего-либо] очевидного и несомненного.

¹³ Аристотель (см. 14, 21).

¹⁴ См. 14, 20.

¹⁵ Платон. Законы, 894 b — c // Платон. Соч. : в 3 т. М., 1972. Т. 3, ч. 2.

¹⁶ О делении движения на первичное и вторичное см.: Платон. Законы, 895 a — b.

¹⁷ Аристотель.

¹⁸ См. 14, 23.

28. [Так вот], движение человеку предоставляет или душа, или тело, или смешение из того и другого. И потому что суть [эти] три [стороны], относительно которых проходит это исследование, так как [уже] установлено, что ни от тела, ни от смешения это предоставляться не может, остается [то], что нет никакого сомнения [в том], что человек движется от души.

29. Теперь давайте поговорим о каждом [из них] в отдельности, и, во-первых, — о теле. Очевидно, что ни одно неодушевленное тело не движется своим собственным движением, поскольку (*quam*), что следует признать, нет же ничего [такого], которое, пока оно является неподвижным, могло бы двигать другое, таким образом, тело не движет человека.

30. Нужно [также] рассмотреть, что [и это] самое смешение души и тела [даже] случайно не доставляет ему это движение. Но так как установлено, что движение не находится в теле, если [же еще] и в душе [оно] не находится¹⁹, то из двух вещей, лишенных движения, не производится ни одно движение, подобно тому как и из двух сладких [вещей] не происходит горечь, и из двух горьких — сладость, и из двойного холода не рождается тепло или холод — из двойного тепла, ибо всякое качество, будучи удвоенным, [просто] возрастает, [но] никогда из сходных удвоенных [вещей их] противоположность не возникает. Следовательно, из двух неподвижных [вещей] и движения не будет; таким образом, [их] смешение не будет двигать человека.

31. Отсюда, из несомненной ясности признанных вещей собирается неопровержимый силлогизм: «Живое существо движется; движение же живому существу предоставляет или душа, или тело, или смешение из того и другого. Но ни тело, ни смешение движения не предоставляет, следовательно, [только] душа предоставляет движение».

32. Из этого явствует, что душа есть начало движения; начало же движения, [уже] научило [нас] изложенное выше, движется [само] по себе, следовательно, нет никакого сомнения [в том], что душа является *αὐτοκίνητον*, то есть движется [сама] по себе.

16, 1. Тот²⁰ в этом случае, наоборот, возражает и борется с помощью другого рассуждения о началах, поэтому (*enim*) мы повторим здесь с разъяснением то же самое, что представленное (*objecta*) выше мы расположили по порядку. «Не может быть, — говорит он, — одним и тем же со своими началами то, что оттуда рождается, и потому душа, которая является началом движения, не движется, чтобы не было одним и тем же самым началом и то, что из начала рождается, то есть чтобы не казалось, что движение произошло из движения»²¹.

2. На это есть легкий и исчерпывающий ответ, потому что хотя мы говорим, что первоначала и то, которое из первоначал происходит, в чем-то иногда между собой различаются, однако никогда не могут быть настолько противоположны

¹⁹ Можно предположить, что Макробий использует здесь положение Аристотеля о неподвижной душе (см. 15, 27), чтобы вести доказательство от противного.

²⁰ Аристотель.

²¹ См. также 14, 24.

между собой (*sibi*), насколько (*ut*) являются противолежащими друг другу (*sibi*) [состояния] стоять и двигаться.

3. Ибо в таком случае (*sic*) началом белого называлось бы черное и сухое было бы началом влажного, доброе происходило бы из злого, из горького начала — сладкое. Но [это] не так, потому что природа не допускает, чтобы начала и следующее [из них] расходились вплоть до противоположности, но между [ними] самими иногда находится такое различие, какое согласовывало бы между собой начало и [его] продвижение [дальше], как, [например, это] имеет место также в данном случае (*hic quoque*) между [тем] движением, которым душа движется, и тем, которым [она] движет другое.

4. Ведь Платон назвал душу не просто движением, но движением, движущим себя. Следовательно, среди движения [есть движение], себя движущее, и движение, которым [оно] движет другое, в чем [тут] разница, очевидно: если именно то, [первое], является [движением] без виновника, это, [второе], движение является виновником для других [движений]. Таким образом, установлено, что и не могут начала и из начал сотворенное различаться до такой степени, чтобы они были себе противоположными, однако и умеренное различие тут не отсутствовало, значит (*igitur*), не будет стоять первоначало движения, что он подытожил посредством искусного умозаключения.

5. За этим наступило, как мы помним, третье возражение [Аристотеля], что «не могут к одной вещи подступить вместе противоположные [состояния] и, так как двигать и двигаться суть противоположные себе [состояния], не может душа себя двигать [так], чтобы (не) она же самая и двигалась, и двигала»²². Но [уже] подтвержденное выше разрушает это [умозаключение], если именно установлено, что не следует разуметь в движении души два [начала]: то, которое двигало бы, и то, которое бы двигалось, — потому что двигаться от себя [самого] есть не что иное, как не двигаться другим движущим. Следовательно, нет никакой противоположности (*contrarietas*) [там], где то, которое производится, является одним-единственным, потому что оно не производится [передачей движения] от другого к другому, так как само движение, естественно, есть сущность души.

6. Из этого [последнего положения], как мы [его чуть-чуть] выше передали, у него появился четвертый повод для спора. «Если сущность души есть движение, — говорит он, — то почему иногда она отдыхает, хотя ни одна другая вещь не допускает противоположность [своей] собственной сущности? Огонь, сущности которого свойственно тепло, не перестает быть горячим, и потому что холод снега находится в его сущности, исключительно (*non nisi*) всегда он является холодным, таким образом, и душа, по этой же самой причине, никогда не должна бы отдыхать от движения»²³. Но я хотел бы, чтобы он сказал, когда он предполагает, что душа отдыхает?

²² См. 14, 25.

²³ См. 14, 26.

7. «Если, двигая себя, она двигала бы необходимо и тело, то как бы то ни было, когда мы видим, что тело не движется, мы думаем, что душа также не движется»²⁴. Против этого [вывода у нас] есть двойная защита.

8. Во-первых, не в том [случае] постигается движение души, всякий раз как тело побуждалось бы к движению. Ведь и когда кажется, что в человеке не движется ни одна часть тела, однако само размышление или слух, зрение, обоняние и [тому] подобные [чувства] во всяком живом существе, да и дышать, видеть сны в самом [состоянии] покоя — все это суть движения души.

9. Затем, кто назвал бы само тело неподвижным, даже пока не кажется, что оно побуждается к движению, хотя увеличение [его] членов, и даже в случае если возраст и время [их] увеличения уже ушло; хотя здоровье, не терпящее остановки сердца; хотя упорядоченное переваривание (*digeries*) пищи, доставляющее посредством природного распределения соки в сосуды и внутренности; хотя собирание [телесных] жидкостей (*fluentorum*) [вместе со всем перечисленным] свидетельствовало бы о непрерывной деятельности тела? Таким образом, и душа всегда движется вечным и своим собственным движением, да и тело [всегда движется], насколько долго оно вдохновляется началом и причиной движения. Отсюда у него же возникло побуждение к пятому вопросу.

10. «Если душа, — говорит он, — является причиной движения другого, то она не сможет сама для себя быть причиной движения, потому что нет ничего [такого], чтобы у одной и той же вещи была причина и для нее (*sibi*) [самой], и для другого»²⁵. Право же, хотя я легко могу доказать, что есть многое, которое у одной и той же вещи было бы причиной и для нее [самой] и для другого, однако, чтобы не казалось, что я с усердием противлюсь всему [тому], что он утверждает, я уступил бы, что является истинным то, каковое сообразно с истиной не будет вредить устремлению (*habitus*), чтобы подтвердить движение души.

11. И действительно, мы называем душу началом и причиной движения. [То, что] касается (*de*) [души как] причины, мы рассмотрим позже. Между тем установлено, что всякое начало находится в [том], началом чего (*rei cuius*) [оно] является. И потому, что ни происходит в какой бы то ни было вещи от ее (*suo*) начала, это отыскивается в самом [этом] начале. Так, начало тепла не может не быть теплым. Кто отрицал бы, [что] сам огонь, от которого тепло переходит к другому, горячий?

12. «Но огонь, — говорит он, — не сам себя делает горячим, потому что он весь в целом по [своей] природе является горячим»²⁶. Я достигаю того, чего я желал, ибо и душа не так себя движет, что между [ней] движимой (*motam*) и [ней] движущей есть разделение, но она вся в целом так движется своим движением, что ты никак не можешь отделить то, что [ее] движет. Этого, сказанного о начале, будет достаточно.

13. Касательно же причины, так как мы с добровольной снисходительностью [уже] уступили [в том], что ничто (*nequid*) у одной и той же вещи не является причиной и для нее [самой] и для другого, мы охотно довольствуемся [тем], что

²⁴ См. также 14, 26.

²⁵ См. 14, 27.

²⁶ См. также 14, 26.

не кажется, что душа, которая есть причина движения для другого, является причиной движения для себя. Ибо для того [она] есть причина движения, которое не двигалось бы, если бы она сама [его] не предоставила. Она же, чтобы двигаться, не сама себе дарует [движение], но ее (suae) сущности принадлежит то, что [она] движется.

14. Исходя из (ex) этого [положения] является уже ослабленным [тот его] вопрос, который [теперь] следует²⁷. Ибо тогда, возможно, я уступил бы [в том], что для осуществления (exercitium) движения требовались бы орудия, когда одно есть то, которое движет, другое — то, которое движется. Но [даже] и скоморошья шутка не осмелится без оскорбления (damno) пристойности требовать этого в отношении души, движение которой находится в [ее] сущности, так как [и] огонь, пусть [даже] он движется по причине, скрывающейся внутри него (se), все-таки не поднимается вверх никакими орудиями, и гораздо меньше это [самое] следовало бы отыскивать [и] в отношении души, движение которой есть ее собственная (sua) сущность.

15. Также и в том, которое [теперь] следует, такой великий муж и, вообще, сверх прочих [людей] серьезный, становится (est) подобным пустомеле. «Если, — говорит он, — душа движется, то она движется среди прочих движений также и с места на место, следовательно, — говорит он, — она то выступает из тела, то снова [в него] вступает, и в этом [движении] она многократно пребывает; чтобы такое (quod) случилось, [того] мы не видим; таким образом, она не движется»²⁸.

16. Нет ни одного [человека], который не без заминки ответил бы супротив этого, что не все, которое движется, также движется с места на место. По крайней мере (denique), весьма целесообразно обратить (retorquenda est) к нему подобный [вот] вопрос: «Что движутся деревья, ты говоришь?» Когда [в ответ] на это (quod), как я думаю, он кивнет, он будет сражен [с] равной язвительностью [следующим умозаключением]: «Если деревья движутся, то, без сомнения, как ты имеешь обыкновение говорить, среди других [видов] движений они движутся также с места на место. Но это, мы видим, они [сами] по себе сделать не могут, следовательно, деревья не движутся».

17. Но чтобы мы могли посредством дополнения сделать этот силлогизм серьезным [рассуждением], после того как мы сказали: «Следовательно, деревья не движутся», мы [еще] прибавим: «Но деревья движутся; таким образом, не все, что движется, также движется с места на место». И тогда в итоге (in exitum) вышло бы [такое] окончание здравого умозаключения: «Итак, если мы признаем, что деревья именно движутся, но [движутся] подходящим для себя движением, почему мы отрицали бы по отношению к душе то [обстоятельство], что она движется движением, соответствующим ее собственной (sua) сущности?»

18. Это и другое [прочее] убедительно (valide) высказывалось бы, даже если бы душа не могла двигаться этим родом движения. Но так как она и одушевляет тело вследствие прихода и [затем] удаляется от тела по определенному закону

²⁷ См. 14, 28.

²⁸ См. 14, 29.

в установленное время (*constituti temporis*), кто отрицал бы, что она движется также с места на место, как [и] я сказал бы в таком случае (*ita*)?

19. То же, что она в некоторое (*uno*) время многократно не сменяет [свой] приход [в тело] и уход [из него], обуславливает скрытое и предусмотренное (*consulta*) установление природы, которая, чтобы сохранить жизнь живого существа посредством определенных связей, внушила душе такую большую любовь к телу, что она без принуждения любит [то], с чем была соединена, и редко случается, чтобы она по определенному также закону не удалялась в свое время (*temporis sui*) [от тела], печалаясь и сопротивляющаяся.

20. После того как, я думаю, также и это [его] возражение распутано, давайте перейдем к тем вопросам, следствие которых кажется, что он нас теснит. «Если душа, — говорит он, — движет себя, то она движет себя каким-нибудь видом движения. Должно ли вследствие этого (*igitur*) говорить, что душа движет себя в соответствии с [каким-либо] местом? [Если должно так говорить, то], следовательно, это место является или окружностью, или [прямой] линией. Или она движется путем порождения либо истребления себя? Неужели она себя увеличивает или уменьшает?» «Либо, — говорит он, — возможно обнаружится при обзоре (*in medium*) [еще и] другой род движения, которым, мы сказали бы, она движется»²⁹.

21. Но вся эта громадная куча вопросов вытекает из одного и того же хитроумия дурно составленного определения. Ведь потому что он однажды предположил для себя, что все [то], которое движется, движется от другого, он ищет в душе все эти виды движений, в которых есть одно, которое движет, другое, которое движется, хотя ничего из этого не могло запасть в душу, в которой нет никакого разделения движущего и движимого (*moti*).

22. «Тогда каким является, — вопрошает (*dicit*) кто-нибудь, — или откуда познается движение души, если [у нее] нет ни одного из этих [движений]?» Это будет знать всякий, кто желает узнать [это] или [от] Платона (*Platone*), говорящего, или от Туллия: «Также и для остального, что движется, [она] является таким источником, таким первоначалом движения»³⁰.

23. Какая же была бы убедительность (*expressio*) [у] этого высказывания, [в] котором душа называется источником движения, ты легко откроешь, если бы ты постиг умом движение невидимой вещи без виновника, потому и без начала и без конца, [само собой] продвигающееся, и другое движущее, для которого не могло бы быть найдено ничего более сходного из видимых [вещей], чем источник, который таким образом является первоначалом воды, что, хотя он творит из себя реки и озера, говорят, что он сам от ничего не рождается, ибо, если бы он рождался от другого, то сам не был бы первоначалом.

24. И хотя (*sicut*) источник не всегда легко обнаруживается, однако есть или Нил, или Эридан³¹, или Истр³², или Танаис³³, которые из [него] самого изливаются,

²⁹ См. 14, 30.

³⁰ См.: Платон. Федр, 245с // Платон. Соч. : в 3 т. М., 1970. Т. 2.

³¹ Река По.

³² Река Дунай.

³³ Река Дон.

и каким образом (ut) ты, изумляющийся при рассмотрении (videndo) их стремительности и отыскивающий, путем размышления внутри себя, возникновение таких значительных вод, доходишь до [их] источника и понимаешь, что все это движение [вод] протекает из самого первоначала (primo... principio) родника, таким [же] образом, так как ты, посредством рассмотрения движения тел, пусть они являются или божественными, или земными, возможно, хочешь отыскать [их] виновника, твой ум пришел бы к душе как (quasi) [их] источнику, о движении которой, даже без прислуживания тела, свидетельствуют размышления, радости, надежды, страхи.

25. Ведь ее движение есть разделение хорошего и дурного, [есть] любовь к добродетелям, влечение к порокам, из которых протекают всевозможные исходы (meatus) рождающихся оттуда действий. Ее движение состоит (est) [в том], что (quicquid) мы гневаемся и возмущаемся в горячности взаимного столкновения, откуда понемногу возбуждается нарастающая ярость сражений. Ее движение состоит [в том], что нас охватывают желания (in desideria), что нас опутывают страсти. Но эти движения [души], если бы ими управлял разум, оказывались [бы] благотворными [для нас]; если он [их] покидает, то они и [сами] опасности подвергаются (rapiuntur), и [нас опасности] подвергают.

26. [Вот так] ты изучил³⁴ движения души, которые она совершает (exercet) то без прислуживания тела, то посредством тел. Если же ты будешь искать движения самой мировой души, то ты рассматриваешь небесное вращение и быстрые обороты (impetus) нижележащих сфер, восход и заход солнца, продвижение и отступление звезд, каковое все происходит, потому что [его] движет душа. Право же, называть неподвижной ту, которая все движет, не подходит Аристотелю, каким великим он (qui) [ни] был бы во [всем] другом, [что] признано [многими], но [подходит] только тому, кого [не разубеждала бы в этом] сила природы, кого не разубеждало бы [в этом] очевидное доказательство.

Перевод с латинского и примечания В. Т. Звиревича

Рукопись поступила в редакцию 16 марта 2017 г.

³⁴ Обращение Макробия к своему сыну Евстахию.